

К ВОПРОСУ О ПОЛИТИЧЕСКОЙ БОРЬБЕ В АФИНАХ В КОНЦЕ V ВЕКА («АНДРОМАХА» И «ЛИСИСТРАТА»)

Одним из важнейших источников для восстановления картины политической борьбы в Афинах во второй половине V в. являются, как известно, античная трагедия и комедия. Особенно интересны в этом отношении такие злободневные, агитационные пьесы, как «Андромаха» Еврипида и «Лисистрата» Аристофана. Сопоставление их дает интереснейший материал для восстановления политической истории Афин конца V в. К сожалению, лишь часть античных драм точно датирована; отсутствие точной датировки для ряда драм, в том числе и для «Андромахи» Еврипида, вносит путаницу и разнобой во взгляды ученых на интересующий нас вопрос.

От античности никакой датировки этой трагедии до нас не дошло. Правда, в схолии к «Андромахе» читается: φαίνεται δὲ γεγραμμένον τὸ δράμα ἐν ἀρχῇ τοῦ Πελοποννησιακοῦ πολέμου — «получается такое впечатление, что эта драма написана в начале Пелопоннесской войны». Но, как видно из слова φαίνεται, это — субъективный вывод схолиаста из содержания пьесы, ни для кого не обязательный, и в настоящее время никто такой датировки не принимает. Намеки Еврипида на Молосское царство, с явным сочувствием к правившей здесь династии, находившейся с 426 г. в тесном союзе с Афинами, по общему мнению ученых¹, не позволяют отнести эту пьесу ко времени, предшествующему 426 г., когда молоссы еще сражались на стороне спартанцев. Датировка 421—414 годами, временем мира между афинянами и спартанцами, также невозможна ввиду озлобленных выпадов против спартанцев, содержащихся в этой трагедии. Поэтому, несмотря на некоторые получающиеся несообразности, в настоящее время зарубежные исследователи вслед за Бергком² датируют Андромаху 423—422 гг.³ Возможность датировки временем после 414 г. при этом совершенно упускается из виду; эта старая датировка, предложенная Ардионом еще в 1733 г.⁴ осталась неизвестной или рассматривается как фантастическая современными исследователями.

Наиболее важны для датировки «Андромахи» стихи 445—463. Уже схолиаст к 445-му стиху трагедии отметил, что агитационная речь Андромахи, из которой взят этот стих, выпадает из контекста трагедии и относится не к спартанцам

¹ См. например, W. Schadewaldt, *Monolog und Selbstgespräch*, B., 1926, стр. 178, прим. 1; M. Pohlenz, *Die griechische Tragödie*, Lpz, 1930, т. 1, 304; т. II, 84.

² «Hermes», XVIII (1883), стр. 503 слл.

³ Wecklein, *Euripides' Andromache*, Lpz, 1911, Einleitung, стр. 9 слл.; W. Schadewaldt, ук. соч.; M. Pohlenz, ук. соч., т. II, стр. 83.

⁴ Hardion, *Mémoires de littérature, tirés des registres de l'Académie Royale des Inscriptions et des Belles-Lettres*, т. VIII, стр. 268.

времени Троянской войны, когда происходит действие этой трагедии..., а к Спарте времени постановки трагедии. К этому взгляду уже в 1808 г. присоединился Авг. Бек¹, а затем и все позднейшие исследователи, указавшие также на то, что выступающая здесь Андромаха говорит не о своем положении, а о положении Афин и их союзников. Андромаха жалуется, что она находится в тяжелом несчастье (стих 462), а спартанцы «несправедливо счастливы в Элладе» (стих 449). Ни у кого не вызывает сомнения, что под ἐγὼ в этой речи надо подразумевать афинян и их союзников и что выражение (стих 462) — ἐγὼ πράσσω κακῶς — «я нахожусь в тяжелой беде» характеризует современное пьесе положение афинян, а выражение ἀδίκως εὐτοχεῖται ἂν' Ἑλλάδα (стих 449) относится к спартанцам времени постановки трагедии.

К обстановке 423—422 гг. эта картина совершенно не подходит: несмотря на потерю ряда городов во Фракии, в руках афинян находился Пилос, откуда можно было непрерывно поднимать восстания илотов; в афинском плену томились знатнейшие спартанцы, так что о бедственном положении афинян не могло быть и речи. Спартанцы в это время также не наслаждались счастьем: Фукидид сообщает, что в момент наибольших удач Брасида, непосредственно после взятия Амфиополя, спартанское правительство не поддерживало действий Брасида и стремилось к миру с афинянами, чтобы получить назад своих пленных (Thuc., IV, 108,7). Кроме того, совершенно невероятно, чтобы Еврипид, вообще пацифистски настроенный, стал в такой благоприятный для мира момент разжигать военный психоз и ненависть к спартанцам. Так же неуместно было бы и замечание, что спартанцам везет несправедливо (ἀδίκως): военный и дипломатический талант Брасида ни у кого не вызывал сомнения (См. Thuc., IV, 81, 1—2; 108,2; V, 7, 1; V, 11). До сицилийской катастрофы ни один пессимист и паникер в Афинах не решился бы утверждать, что афиняне — на краю гибели, а спартанцы наслаждаются ничем не омраченным счастьем.

После сицилийской катастрофы положение резко изменилось. По словам Фукидида (VIII, 1), «страх и сильнейшая паника овладели афинянами.... Они стали отчаиваться в спасении...». Спартанцы заняли Декелею в самой Аттике, сделав невозможной обработку полей и подвоз продуктов по суше, около 20 000 рабов, работавших в ремесленных мастерских Афин, перебежало к неприятелю (Thuc., VII, 27, 3). К концу 412 г. положение еще более ухудшилось: большая часть союзников отпала от Афин, и казалось, что со дня на день действия пелопоннессцев на море могут прекратить подвоз хлеба с Евбеи и из Геллеспонта, — а это означало голодную смерть для жителей Афин.

Замечание Андромахи, что спартанцы «несправедливо процветают в Элладе», а афиняне — «в тяжелом положении», вполне подходит к этому времени².

Также только к этому времени могут относиться и замечания хора в «Андромахе» (стих 1044 слл.): «Болезнь постигла Элладу, болезнь: и на плодородные нивы Фригии перешел удар, капающий кровью Аида»³. Это — явный анахронизм, совершенно непонятный в применении к событиям времени Троянской войны, во время которой военные действия происходили только во Фригии — в Греции никакой войны не велось.

При обычной датировке «Андромахи» 423—422 гг. это замечание было бы неуместным. Ни о каких военных действиях в Малой Азии в 423—422 гг. не было и речи. Правда, когда спартанский наварх Алкид возвращался по морю после неудачной попытки помочь митиленцам, афиняне сильно опасались, как бы он не пограбил михоходом малоазийское побережье (Thuc., III, 33,4); однако этого не случилось. Нель-

¹ «Graecae tragoediae principum etc.», Heidelberg, 1808, стр. 18.

² Ср. в «Лисистрате» Аристофана, поставленной в 411 г., стих 1047: «Ведь довольно с нас и тех бед, которые мы переживаем».

³ νόσον Ἑλλάς ἔτλα, νόσον. διέβα δὲ Φρυγῶν καὶ πρὸς εὐχάρτους γῆας σκληρὸς σταλάσων τὸν Ἄϊδα φόνον. «Исправления» (устранение καὶ, εὐχάρτων γῆαν) произвольны и не нужны.

зя видеть перенесения войны в Малую Азию и в маленьком эпизоде местного значения — в захвате митиленскими аристократическими изгнанниками на 2—3 месяца Антандра на побережье Малой Азии (Thuc., III, 31—32).

После 413 г. война из Греции действительно перекинулась в Малую Азию, более того — сюда перешел центр военных действий. Это было величайшим несчастьем для Афин, и вполне понятен ужас, с которым сообщается об этом событии в «Андромахе».

Не менее интересны для датировки «Андромахи» и для характеристики политической позиции Еврипида следующие два места этой трагедии, тесно связанные по смыслу друг с другом: монолог Пелея (стихи 699—702) — «Спесивые сидят в должностях в городе (κατὰ πόλιν); они глядят свысока на народ, хотя [сами] они ничего не стоят; а те их в тысячи раз мудрее — только бы к ним пришла на помощь отвага и [сильная] воля»¹ — и замечание хора (стих 470 сл.): «Переносить двойную тираннию (δίπτυχοι τυραννίδες) в городах никак не лучше, чем одну: [в результате двух тиранний] [получается] лишь страдание на [страданиях и борьба] между гражданами... Когда быстрые ветры несут моряков, два [разных] мнения умов и большое количество собравшихся мудрецов [оказываются] слабее у руля, чем худший ум одного мужа с чрезвычайными полномочиями (φαιλοτέρως φρονὸς ἀτοκράτους ἑνός). Если захотят найти подходящее [решение], то такова должна быть власть и в доме и в государствах (ἀνὰ τε μέλαθρα κατὰ τε πόλιν)».

Не возникает сомнений, что Еврипид здесь скорбит о тяжелом положении, создавшемся в его родных Афинах, а не в каком-либо другом городе. Значит, в момент написания этой трагедии в афинском государстве были две власти. Одна состояла из какой-то коллегии мудрецов, «спесивых» людей, сидящих в городе (κατὰ πόλιν), и хотя другая — народ — в действительности мудрее их, но этой власти недоставало отваги и сильной воли; к ней на помощь должен прийти какой-то муж, худший, чем эти мудрецы, но исполненный отваги и сильной воли, и этому мужу должны быть переданы чрезвычайные полномочия.

О таком двоевластии в Афинах ясных и определенных сообщений мы до сих пор не имели. Следовательно, эти слова Еврипида либо открывают перед нами новую страницу в афинской истории, либо изображают какие-то уже ранее известные нам факты в новом аспекте.

Если бы такое положение вещей существовало в то время, к которому обычно относят Андромаху, т. е. в 423—422 гг., то пришлось бы предположить, что Еврипид, говоря о необходимости устранить двоевластие, отнять власть у «спесивых» и передать власть одному лицу с чрезвычайными полномочиями, под «спесивыми» (σειμνοί) подразумевал Клеона и его группу. Но называть Клеона и его сторонников «группой мудрецов», «спесивых», «презирающих народ» (φρονοῦντες δῆμον μεῖζον) он никак не мог: никто во времена Еврипида не считал этих людей «мудрецами»; сверх того, и псевдо-Ксенофонта «Афинская политика» и Аристофан обвиняют Клеона и всю эту группу в низкопоклонном угодении народу, а никак не в надменности и презрении к народу. Если же это не так, то при датировке трагедии 423—422 гг. Клеона придется считать второй силой, которой симпатизирует Еврипид и которой он предлагает предоставить чрезвычайные полномочия. Но Еврипид никогда не сочувствовал радикальной демократии и не мог поэтому проповедывать необходимость диктатуры Клеона. Да и вообще в 423—422 гг. не может быть речи о двоевластии: Клеон прочно держал власть в своих руках, а Никий и Демосфен, как мы видим из Аристофана, хотя и находились в оппозиции, были такими же рабами демоса, как Клеон, но менее удачливыми².

Следовательно, приведенные выше стихи из «Андромахи» не соответствуют обстановке 421—414 годов. Если же мы сопоставим с этими стихами положение вещей,

¹ σειμνοί δ' ἐν ἀρχαῖς ἡμενοί κατὰ πόλιν φρονοῦσι δῆμον μεῖζον, ὄντες οὐδένεσ' οἱ δ' εἰσὶν αὐτῶν μυρίφ σοφότεροι, εἰ τόλμα προσγένοιτο βούλησις θ' ἄμα.

² См., например, замечания Плутарха в биографии Никия (глава 4) об «угодливости и заискивании перед народом Никия».

создавшееся в Афинах к 411 г., то убедимся, что изображаемая Еврипидом картина вполне подходит к этому времени.

Как известно, главную роль в руководстве повседневной практической политикой Афин играл совет пятисот и, прежде всего, 50 пританов, подготовлявших будущие решения народного собрания (пробулевмы). Но 50 пританов были случайными, выбранными по жребию людьми; к тому же через 36 дней их сменяли другие люди. В таких условиях не могло быть речи о единой твердой политике в обстоятельствах чрезвычайного времени. В тяжелых условиях, создавшихся в это время, олигархически настроенным кругам крупных афинских собственников удалось убедить народные массы в необходимости того, чтобы право «пробулевмы» было отнято у пританов и передано несменяемой коллегии из 10 человек¹.

Обладание правом «пробулевмы» фактически означало высшую политическую власть в стране. Действительно, из «Лисистраты» Аристофана мы узнаем, что пробулы, а не казначеи, распоряжаются ключами от государственной казны, что они заняты подавлением восстания в Афинах, что они, а не пританы, дают ордер на арест преступников («Лисистрата», 421, 434, 609). Народу, как можно думать, внушалось, что это — не олигархическая коллегия, а именно «мудрецы», «люди общественного доверия». Нам известны два имени из десяти имен пробулов: трагический поэт Софокл² и Гагنون, отец Ферамена³. Всем известно, каким огромным авторитетом пользовались в Афинах поэты — их называли «мудрецами», полагали, что они творят в состоянии одержимости божеством⁴. Гагنون занимал ряд высших государственных должностей⁵. Такие люди, по замыслу выдвинувших их олигархов, должны были импонировать народным массам, хотя уже в силу своего происхождения и общественного положения эти «живые мертвецы», как их остроумно характеризует Аристофан («Лисистрата», 599—613), не могли не оказаться игрушкой в руках лаконофильской партии. Р. Ю. Виппер высказал предположение, что в свое время такое учреждение, как пробулы, могло бы вжиться в демократические формы, но в тех условиях «оно являлось, несомненно, реакционным шагом и открывало пути для дальнейших нарушений демократического строя»⁶.

Но существовала в это время и другая традиционная законная демократическая власть — стратеги. Афинские стратеги вместе с гражданами призывного возраста находились в это время на Самосе. Исключая кучки заговорщиков, самосские военачальники и солдаты знать не хотели олигархических затей. Афинские старики в «Лисистрате» Аристофана, выведенные как сторонники радикальной афинской демократии, ненавидят спартанцев (стих 616 слл.) и олигархов (стих 495 слл.), они с презрением относятся к уговорам и болтовне, которыми пробулы хотят успокоить заговорщиков, хлопочущих о мире со Спартой (стих 467: «Ты много тратишь лишних слов, земли афинской пробул! Зачем ты с дикими зверьми вступаешь в разговоры»), и возлагают свою надежду лишь на демократическое самосское войско (стих 313): «Пусть бы нам помогли самосские стратеги (οἱ ἐν Σάμῳ στρατηγοί)!..»

На Самосе находилась наиболее энергичная часть афинского гражданства. Поэтому в афинском государстве в этот момент фактически были две власти — власть пробулов и власть стратегов, находившихся на Самосе: действительно, как мы узнаем из дальнейшего, именно на Самосе, а не в Афинах, был решен вопрос об ограничении числа полноправных граждан (Thuc., VIII, 47—49), здесь решался вопрос об уступках персам, о привлечении к власти Алкивиада (Thuc., VIII, 49).

Очевидно, две власти, о которых говорится в «Андромахе» (см. выше, стр. 124), —

¹ Thuc., VIII, 1, 4; схолия к 421-му стиху «Лисистраты».

² Arist., Rhet., 3, 1419a, 26; 1416a, 15.

³ Lis., XII, 65.

⁴ См., например, Plat., Apol., p. 22 B-C.

⁵ Thuc., I, 117; II, 9, 3; IV, 102; V, 11, 19; Plut., Perikl., 32; схол. к Эсхину, II, 36.

⁶ Р. Ю. Виппер, Лекции по истории Греции, 1906, стр. 216—217.

это власть пробулов в Афинах, с одной стороны, и власть демократических стратегов на Самосе — с другой. Действительно, «спесивые», «суемудрые»¹, «большое количество» собравшихся мудрецов — это, конечно, пробулы, не оправдавшие возложенных на них ожиданий. Эти эпитеты вполне подходят к людям такого ранга, как Софокл и Гагنون.

Не случайно и то, что эти «мудрецы» названы «сидящими на должностях» (ἐν ἱερῶν) в городе (κατὰ πόλιν). Последние слова были бы излишними, если бы противопоставляемые им «те» (οἱ δέ) также находились в городе. Это обстоятельство заставляет подозревать под οἱ δέ самосских демократических стратегов.

И вполне понятно, что предпочтение самосских стратегов (οἱ δέ) в обоих местах «Андромахи» обусловливается включением в их среду отважного мужа с чрезвычайными полномочиями. Алкивиад был включен в число стратегов головами всех стратегов, в том числе и стратегов-демокрагов, несомненно составляющих большинство членов этой коллегии, летом 411 г. (Thuc., VIII, 82, 1), причем ему «поручили верховное руководство во всех делах»². Мы считаем, что слова «только бы к ним пришла на помощь отвага и [сильная] воля» и имеют в виду это предстоящее привлечение Алкивиада, так как именно Алкивиад славился своею решительностью и отвагой³.

Но включение Алкивиада в коллегию стратегов произошло лишь летом 411 г., а «Андромаха» (см. ниже, стр. 130) была поставлена не позже Ленея, т. е. января 411 г. Тем не менее в ней вполне могла идти речь об Алкивиаде, так как уже в это время вопрос об избрании Алкивиада в число самосских стратегов, но с чрезвычайными полномочиями, не мог не обсуждаться. Из Фукидида известно, что примерно уже в ноябре 412 г. Алкивиад подсылал доверенных людей к наиболее почтенным и влиятельным афинянам, находившимся на Самосе, для переговоров о своем возвращении из изгнания (Thuc., VIII, 47—48), и уже вскоре после этого Фриних знал, что вопрос о возвращении Алкивиада поставлен на очередь и что афиняне вернут его из изгнания (Thuc., VIII, 50, 1). Если учесть, что еще в начале 412 г. Алкивиад всеми рассматривался как проклятый богами предатель отчизны, то вполне естественно, что необходима была длительная подготовка и обработка умов для того, чтобы афинское войско, т. е. афинская народная масса и ее руководители — стратеги, согласилось верить этому же Алкивиаду верховное руководство. В силу всех этих причин трудно сомневаться в том, что под «одним мужем с чрезвычайными полномочиями» (αὐτοκράτης εἷς) Еврипид подразумевал Алкивиада, тем более, что официальное название ἀπάντων ἡγεμὼν αὐτοκράτωρ — «руководитель всех дел с неограниченными полномочиями» во всей истории Афин получило только одно лицо — тот же Алкивиад⁴.

Вполне понятна для этого времени (т. е. для 411 г. до н. э.) и агитация Еврипида в «Андромахе» за войну, сопровождающаяся разжиганием ненависти к Спарте и ссыл-

¹ О противопоставляемом им демосе говорится: «А те (οἱ δέ) их в тысячу раз мудрее». Очевидно, первые только претендовали на мудрость, были «суемудрыми».

² στρατηγὸν τε αὐτὸν εὐθύς εἵλοντο μετὰ τὸν προτέρων καὶ τὰ πράγματα πάντα ἀνετίθεσαν.

³ См. Diod., XIII, 68.

⁴ Xen., Hell. I, 4, 20. Слова хора у Еврипида «φαυλοτέρα φρενὶν» в применении к Алкивиаду скорее всего означают: «душа, худшая (в нравственном смысле)», и это выражение вполне естественно в применении к Алкивиаду. Именно в таком смысле слово φαῦλος обычно употребляется у Еврипида, Ксенофонта и Платона (см., например, словарь Пассова. У Еврипида оно встречается в этом смысле, например: Androm., 871. Phoenix., 94, Archel., fr. 261, Nauck, Iph. Taur., 990 τὸ φαῦλον — мерзость). Но если φαυλοτέρα φρενὶν означает «худший (в смысле мудрости)», то и в этом нет ничего непонятного, ибо в коллегию пробулов были выбраны общепризнанные мудрецы, вроде Софокла.

ками на коварство Спарты в международных отношениях, вследствие чего никаким договорам с ней доверять нельзя¹.

Несомненно, уже к концу 412 г. стало ясно, что господствующая в Спарте партия, заручившись поддержкой Персии и добившись отпадения от Афин городов Ионии, будет стремиться, если только она не получит от афинян решительного контрудара, поставить Афины на колени, лишив их экономической, а следовательно, и политической независимости. Требование спартанцев, чтобы афиняне отказались от власти на море (Arist., Athen. polit., 32, 2), лишало афинян основного источника снабжения продовольствием и сырьем. Как ни тяжело было положение афинян, но на эти условия не осмелились открыто пойти даже предатели афинского народа (Thuc., VIII, 90, 2; 91). Приходилось продолжать войну, несмотря на все трудности.

Но для того, чтобы убедить голодный, измученный народ вести тяжелую и, на первый взгляд, безнадежную войну с превосходящими силами неприятеля, необходимо было создать атмосферу крайнего озлобления против Спарты. И Еврипид, несмотря на свой пацифизм, взялся за разжигание ненависти к врагу со всей присущей ему страстностью и увлечением. Его «Андромаха» написана в крайне озлобленном тоне. Еврипид подвергает здесь уничтожающей критике и историю Спарты, начиная с мифологических времен, и ее внутреннюю и внешнюю политику, и ее строй, и характер спартанца, изображая его мелким, расчетливым, коварным, бесчестным, корыстолюбивым и свирепым злодеем².

Но особенно удобным обвинением для разжигания ненависти к Спарте было указание на ее коварство в международных отношениях, о чем (как мы видим не только из Еврипида, но и из Аристофана) тогда без конца говорили на площадях и улицах Афин. Ранее спартанцы приобрели себе расположение умеренных слоев в различных греческих городах тем, что они выдвигали своим лозунгом полную независимость греческих городов и от персидского и от афинского ига, обвиняя афинян в том, что они поставили союзников в экономическую и политическую зависимость от себя и к тому же в 448 г. признали верховную власть персов над ионийскими греками. Уже в 431 г. спартанцы ставили основным условием для заключения мира требование, чтобы «афиняне сделали греков автономными» (Thuc., I, 139,3).

В 412 г. ряд малоазийских городов, доверившись обещаниям спартанцев, перешли на их сторону. Однако в 412 г. спартанцы сами, не колеблясь, согласились на подчинение малоазийских греков персам. В договоре с персами этого года с предельной ясностью сказано (Thuc., VIII, 58): «Земля царя, какая находится в Азии, принадлежит царю, и в своей земле царь волен распоряжаться, как ему угодно». Это полная противоположность договорам афинян с персами относительно ионийских городов, в которых всегда оговаривалось: «под условием свободы и автономии» (ἐφ' ᾧ τε ἐλευθερίας καὶ αὐτονομίας εἶναι). То, что этот пункт договора спартанцев с персами означал фактически

¹ Если обвинение спартанцев в коварстве в 411 г. за с в и д е т е л ь с т в о в а - н о Аристофаном в поставленной в этом году «Лисистрате», то совершенно непонятно, о каком коварстве могла идти речь в 423—422 гг. Правда, поддержка Брасидом отложившихся Менды и Скионы вызвала гнев в Афинах (Thuc., IV, 122), и афиняне считали, что спартанцы коварно нарушили перемирие (спартанцы не видели в этом нарушения перемирия и предлагали третейский суд). Но, если «Андромаха» была поставлена в начале 422 г., то к этому времени Скиона была уже осаждена, а Менда уже отвоёвана назад, и вопрос потерял всякую актуальность, и едва ли Еврипид стал бы разжигать ненависть к Спарте, когда уже налаживался мир с обоюдного согласия и спартанского правительства и умеренных демократов в Афинах; если же «Андромаха» была поставлена в начале 423 г., то в это время перемирие еще не было заключено, оно было заключено только 20 апреля этого года (Thuc., IV, 118, 12), а захват Скионы и Менды произошел еще позже, так что никакого основания для обвинения в коварстве и в нарушении перемирия быть не могло.

² См. С. Я. Л у р ь е, История античной общественной мысли, Москва, 1929, стр. 249—251.

полное подчинение малоазийских греков персам, видно из сообщения Фукидида (Thuc., VIII, 84; ср. VIII, 43, 3). Даже официальный представитель Спарты в Малой Азии Лихас принужден был признать, что «лакедемоняне... пришли освободить [малоазийских греков] и — непоследовательно, что спартанцы теперь освобождают греков от греков [т. е. афинян], а от варваров не освобождают» (Thuc., VIII, 53). Все это не могло не оттолкнуть от Спарты даже ту часть мелких рабовладельцев, которая до этого времени относилась к Спарте с уважением и во многом сочувствовала ей.

В этой обстановке понятен тот озлобленный выпад против спартанцев, с обвинением их в коварстве, который вложен в уста малоазийской женщины Андромахи:

О Спарты жители, вы — самый ненавистный
Для всех людей народ, народ — коварств
Советчик, царь над ложью, хитрый швец
Из лоскутов порока, о нечистый
Увертливый, змееподобный ум!
Вам так везет совсем несправедливо:
Чем взяли вы? Вы взяли приз в убийствах —
Рекою кровь вы льете, до прибытка
Лишь алчные, с речами между губ
Не теми, было в сердцах. О пусть бы вовсе
Вас не было на свете!

{(Перевод Анненского-Зелинского)}

Еще более 100 лет тому назад¹ было отмечено, что речь здесь идет не о спартанских правителях, а о жителях Спарты вообще (Σπάρτης ἔνοικοι), т. е. обо всем спартанском народе, и что для такого выпада фабула трагедии не давала Андромахе никакого повода: эти выпады против спартанцев вообще нельзя объяснить ни ее положением, ни ее прошлыми переживаниями: поэт дает здесь совершенно открыто волю своей ненависти к спартанцам своего времени.

Итак, приведенный выше анализ ряда стихов «Андромахи» Еврипида позволяет заключить, что события, на которые они указывают, несомненно относятся ко времени после 412 г.² Еврипид выступает здесь как сторонник тех слоев афинского гражданства, которые были враждебно настроены по отношению к пробулам и поддерживали самосских стратегов. Повидимому, в основном в их состав входили мелкие городские рабовладельцы и неимущие граждане, т. е. городской демос. Их политической программой было требование продолжать активную борьбу со Спартой, поручив ведение войны одному человеку с неограниченными полномочиями.

С иной политической программой выступает Аристофан в «Лисистрате», поставленной в начале 411 г. до н. э. «Лисистрата» Аристофана представляет собой, по моему мнению, прямую полемику с «Андромахой» Еврипида. У Аристофана не только нет ни следа озлобленной антиспартанской агитации, но, наоборот, он старается внушить своим слушателям глубокое уважение к спартанским традициям и привычкам. Так, например, Еврипид считал, что гимнастическое воспитание и облачение спартанских женщин во время гимнастических упражнений ведет спартанскую женщину к разврату, показывая это на примере Гермiony (ст. 595—600). Аристофан выводит благородную спартанку Лампито: занятия гимнастикой сделали из нее гармоничную и внутренне уравновешенную, дышащую здоровьем и красотой женщину, вызывающую восхищение афинян (ст. 78—82). Если Еврипид противопоставляет Гермione добродетельную и верную

¹ F i r n h a b e r, Philologus, III, 1844, стр. 411—412.

² Если верна наша датировка, то трагедия Еврипида «Андромаха» открывает нам новые перспективы как в вопросе внешней политики Афин в 411 г. (отношение к Фессалии, Молосскому царству, Фокиде и Дельфам), так и в вопросах их отношения к дельфийскому оракулу в это же время. К сожалению, за недостатком места я лишен здесь возможности коснуться этих интересных вопросов.

мужу Андромаху, то Аристофан противопоставляет Лампиту сладострастных афинянок (ст. 137—145).

Коварство спартанцев (см. выше, стр. 127) в это время так возмущало широкие массы афинского населения, что Аристофан не считал нужным или возможным спорить с этим. Выведенные в «Лисистрате» (стихи 628—629) афинские старики, выражающие у Аристофана настроения радикальных групп, с негодованием отвергают какие бы то ни было переговоры о мире со спартанцами, так как им «доверять нельзя нисколько — волк голодный их честней»¹.

У Аристофана даже сами спартанцы сознают за собой эту скверную черту и молят богов, чтобы те исправили их характер: «Пусть отныне нашему договору всегда сопутствует дружелюбие, и пусть мы прекратим [уловки] коварных лисиц»². Но, с другой стороны, Аристофан обвиняет и самих афинян в недоверчивом отношении к спартанцам (стих 1288 и сл.): их послы приходят в Спарту не для того, чтобы договориться, а чтобы мутить здесь и подымать смуты³. Слова спартанцев кажутся афинянам, по мнению Аристофана, двусмысленными вовсе не потому, что спартанцы коварны, а потому, что афиняне не слушают, что им говорят, а заранее влагают в слова спартанцев другой, тайный смысл и передают их слова в извращенном виде. Афинские бестактные дипломаты, занимающиеся пропагандой вместо того, чтобы нащупывать почву для сближения (ср. стих 1228), — единственные виновники провала мирных переговоров: запутавшиеся международные отношения надо распутывать так же терпеливо, как женщины распутывают запутавшийся клубок ниток — дипломатическим путем, «оживленные сношения ведя и послов рассылая то вправо, то влево» (стихи 567—570).

Еврипид в целях разжигания ненависти к спартанцам и подготовки сближения с персами извращал мифологическое прошлое спартанцев, превращая Менелая — в труса, Елену — в развратницу; в то же время мы не находим в «Андромахе» ни одного слова осуждения варварам. Аристофан, наоборот, вспоминает о славном прошлом спартанцев, о былом их боевом содружестве с афинянами: хор лакедемонян в «Лисистрате» (стихи 1247—1261) вспоминает совместные блестящие победы спартанцев и афинян над несметными полчищами персов; с другой стороны (стихи 1133—1134), лакедемонянам ставится в вину, что они уничтожают греков и греческие города, призвав на помощь войско врагов-варваров (стихи 1133—1134). Наконец, в речи Лисистраты (стих 1137 сл.) вспоминается помощь, оказанная некогда афинянами спартанцам в усмирении восстания илотов. Аристофан заставляет своих зрителей восхищаться старинными лаконскими песнями и танцами. Итак, по своему содержанию «Лисистрата» является полемикой с «Андромахой». Но нетрудно это показать и на ряде мелких подробностей. Так, например, карикатурная версия мифа об Елене не встречается в греческой литературе нигде, кроме «Андромахи» (ст. 629—631) и «Лисистраты» (ст. 155—156); при этом глагол ἐκράλλειν (о мече) в обоих случаях употреблен в необычном значении: «бросить прочь». Можно указать на ряд фразеологических совпадений между «Андромахой» и «Лисистратой», например:

«Андромаха»

1219: ἀμπτάμενα... φροῦδα... κεῖται
950: κλήθροισι καὶ μοχλοῖσι.
731: οὐτ' οὖν τι δράσω φλαῦρον
οὐτε πείσομαι.
965: εἰ δ' ἐνδιδόιης ὥσπερ ἐνδίδωας λόγον
957: ὑγιές γάρ οὐδὲν αἰφύραθεν εἴσο-
δοι... γυναικῶν.

«Лисистрата»

106: φροῦδος ἀμπτάμενος⁴
264: μοχλοῖς δὲ καὶ κλήθροισι
1041: οὐτε δράσω φλαῦρον οὐδὲν
οὐθ' ὑφ' ὧν πείσομαι.
671: εἰ γάρ ἐνδῶσει...⁵ λαβὴν.
16: χαλπήν τοι γυναικῶν εἴσο-
δος.

¹ οἷσι πιστὸν οὐδὲν εἰ μὴ τῇ λύκῃ κεχρηότι.

² τὰν αἰμυλᾶν ἀλωπέκων παυσάμεθ' (стих 1269 сл.).

³ βλέπομεν ὅ τι ταραξοίμεν.

⁴ ἀμπτάμενος — форма, невозможная в комедии, может быть только пародией на трагедию.

⁵ ἐνδίδωμι в обоих случаях, как указал Leeuwen, в смысле, нигде больше не засвидетельствованном, «уступить, дав возможность ухватиться за слабое место».

При таких условиях напрашивается мысль, что самое имя главной героини *Λυσιστράτη* («прекращающая войну») сознательно выбрано, как противоположность еврипидову имени *Ἀνδρομάχη* («сражающаяся с мужами»). Такая игра значащими именами обычна у Аристофана.

Обычно комедии пародировали последнюю трагическую постановку (см. скойл к стиху 53 «Лягушек»); так, Фесмофории пародируют последнюю трагическую постановку — постановку «Елены» Еврипида; это вполне естественно, если учесть, что каждая трагедия ставилась на сцену только один раз и что, следовательно, подробности старых трагедий забывались зрителями (разумеется, отдельные, особенно запоминающиеся и бывшие у всех на устах забавные особенности старых трагедий могли пародироваться и через много лет после их постановки).

Трагедии ставились на сцену два раза в году: на Ленеях (в январе) и на Дионисиях (в марте); если «Лисистрата» — пародия на «Андромаху», то «Андромаха» могла быть поставлена только на Ленеях 411 г. (в январе). Это неизбежный вывод из того, что «Андромаха», как мы доказали, поставлена после 412 г., а «Лисистрата», как сообщает скойлист, в 411 году¹.

Итак, не может быть сомнения, что, полемизируя в 411 г. с Еврипидом, Аристофан агитировал за мир со Спартой.

К миру со Спартой на любых условиях стремились афинские олигархи, рассчитывавшие с помощью реакционных элементов в Спарте окончательно уничтожить афинскую демократию. Однако, вопреки мнению ряда зарубежных ученых (Эд. Майсера и др.), нельзя считать, что Аристофан и его единомышленники примыкали к этой партии.

Обычное представление об Аристофане как об убежденном приверженце реакционных олигархических групп и враге всего демократического (во всяком случае для конца V в.) оказывается неверным. Уже в комедии «Мир» (стих 1185) Аристофан, прежде всего, противопоставлял свою группу крестьян («мы, крестьяне»)² «горожанам»³. Он шел рука об руку с городскими аристократами лишь до тех пор, пока их интересы совпадали с интересами крестьянства. Крестьянство никогда не относилось сочувственно к разорявшей афинскую казну системе оплаты за исполнение государственных должностей: эта ничтожная оплата никогда не вознаграждала крестьянина за обязанность бросить хозяйство и отправляться в далекое путешествие в город для участия в народном собрании и суде присяжных. На этих же позициях стоял Аристофан в 411 г. Женщины в «Лисистрате» хотят покончить с тем положением, когда афинские старики получают государственную помощь в форме участия в гелизе (стих 380: «Не быть тебе больше гелнастом!»). Он издевается над тревогой стариков, беспокоящихся не столько о судьбах родины, сколько о плате, которой они живут (стих 620); он считает, что люди, которые не только не несут тягот, связанных с войной, но еще сами ложатся бременем на государственную казну, получая из нее плату, недостойны быть членами афинской общины (стихи 652—656). Но, если в этом вопросе Аристофан единомышленник не только партии Алкивиада, но и лаконофильских олигархов, то в других вопросах он с ними резко расходится.

¹ Нас не должно удивлять, что трагедия пародировалась со сцены уже через два месяца после постановки ее на сцену: если поделить число пьес, написанных каждым из четырех великих сценических поэтов Афин V в., на число лет от начала до конца их сценической деятельности, то получается, что написание каждой пьесы вместе с подготовкой ее к постановке на сцену требовало в среднем 6 месяцев, а если учесть, что у каждого поэта есть неизбежные перерывы в творчестве, что есть пьесы, более тщательно и менее тщательно отделанные, что иногда политические события требуют быстрого отражения их на сцене и что, наконец, злободневная комедия должна была писаться в более сжатый срок, чем трагедия, то два месяца окажутся вполне вероятным сроком для написания «Лисистраты».

² *ἡμεῖς οἱ ἄγροικοί.*

³ *τοῖς ἐξ ἰστέως.*

Аристофан ненавидит аристократические гетерии (стихи 495—499), рекомендуя для их членов крайнюю меру расправы — смертную казнь (стихи 577—578). Он явно не сочувствует и основному принципу олигархов всех мастей — предоставлению гражданских прав только имеющим собственное тяжелое вооружение, для доказательства чего они должны были являться в народное собрание в доспехах¹.

Точно также Аристофан не сочувствовал тирании или олигархии в какой бы то ни было форме; терпеть не мог он и пробулов. Он противопоставляет им «самосских стратегов», выбранных на место олигарха Фриниха; старики говорят у Аристофана: «Пусть бы нам помогли самосские стратеги» (стих 312). Схолиаст (со слов Дидима) замечает в схолии к этому месту, что здесь содержится «нарек на [удаление стратегами] Фриниха; будучи стратегом в Самосе, он злоумышлял против народа». Хотя эти слова вложены в уста стариков, стоящих на позициях радикальной демократии, но самая их подача не оставляет сомнения в том, что и Аристофан им сочувствует.

Агитируя за мир, Аристофан, как мы знаем из той же «Лисистраты» (стих 1162 слл.), стремился лишь к почетному миру, с передачей афинянам в обмен на Пилос Гераклеи Трахинской и т. п. Он и его единомышленники рассчитывали на то, что и в Спарте, наряду с правящей партией, существовала не очень многочисленная, но влиятельная группа, осуждавшая политику угождения персам. Эта группа стояла за мир с сильными, способными помочь Спарте Афинами для совместной борьбы с Персией. Ею руководили цари из дома Агиадов — Пилостократ (Thuc., V, 16—17) и его сын Павсаний². К ней принадлежал спартанский полководец Лихас, возмущавшийся тем, что спартанцы вместо свободы навязали грекам персидское иго (Thuc., VIII, 43, 4; 52, 2) и Калликратид (Xen., Hell., I, 6, 7), сказавший, что «греки несчастные люди, если им приходится унижаться перед варварами ради денег». Калликратид заявлял, что «когда он вернется домой, он сделает все от него зависящее, чтобы примирить лакедемонян с афинянами». Можно быть уверенным, что, говоря о переговорах со Спартой, Аристофан имел в виду именно переговоры с этой партией и что былую общность оружия Спарты с Афинами он воспевал в интересах сближения с этой партией; именно в духе этой партии Аристофан воспекает совместные победы над персами.

Лозунгом спартанцев и их клеветников было, во-первых, уничтожение Афинского морского союза, во имя якобы ликвидации подчинения союзников афинянам, их «освобождения»; а во-вторых, сокращение числа афинских граждан. В противовес этому, Аристофан (и, повидимому, крестьянская партия) в тех же целях предлагает противоположный путь: он также хочет освободить союзников, но не тем способом, чтобы разорвать связь их с Афинами, а включив всех жителей союзных городов, а также афинских метеков, проживающих в Афинах, преданных афинянам иностранцев и лишенных гражданских прав государственных должников в число полноправных афинских граждан! (стих 579 слл.). Выражаясь метафорически, Аристофан сравнивает устройство государственных дел с чесанием пряжи:

¹ τὰ δπλα παρεχόμενοι, ἡ ἐκ τῶν ὅπλων πολιτεία (Arist., Athen. polit., 33; ср. Thuc., VIII, 65). Игра разными значениями слова ἀγορεύω, которое означает и «посещать народное собрание» и «ходить на рынок», Аристофан рисует уморительную по комизму картинку вооруженных до зубов воинов, появляющихся на рынке и делающих здесь грошевые покупки, причем пробул (Аристофан относился к пробулам с крайним презрением) видит в этой мере единственный путь прекратить беспорядок в государственных делах (стих 565: παῦσαι καὶ διαλύσαι τεταραγμένα πράγματα πολλά).

² См. С. Я. Лурье, «Klio», XXI (N. F., III), 3/4, стр. 404 слл.

А почистив, в большую корзину их всех мы начешем для дружбы всеобщей.

Примешаем метеков и даже чужих, если нам они преданы верно.

Должников государства вменяем сюда, а потом и колонии наши. Что когда-то мы вывели. Ныне они, словно хлопя разбросанной прижи,

Сиротливо лежат. Надо всех подобрать и, навив на единую прялку, Всех их в наши Афины стянуть и, в клубок намотав и основу скрепивши,

Из него для народа рубаху пошить.

Схолиаст делает к этому месту примечание: «Примешать: предоставить гражданские права» (ἐγκάταξιμι ξαί ἐπίτιμοις ποιῆσαι), и я думаю, что нельзя не согласиться с его толкованием этого места. Такая мера сразу выбила бы у спартанцев почву из-под ног, так как говорить об угнетении союзников уже было бы совершенно невозможно¹. Однако афинская радикальная демократия, заинтересованная в эксплуатации союзников и никогда не желавшая делиться своими привилегиями с кем бы то ни было (см. закон Перикла о гражданстве 451 г.), не захотела пойти по этому пути в 411 г.; она пошла по нему только в 405 г., когда было предоставлено право гражданства последнему оставшемуся верным Афинам союзнику — Самосу², но было уже поздно.

С. Я. Лурье

ДАННЫЕ ЭПИГРАФИКИ О РАБОВЛАДЕНИИ В РИМСКОЙ ГАЛЛИИ

Исследование рабовладельческих отношений в их конкретном проявлении в различных странах, в том числе в римской Галлии, имеет важное значение для изучения закономерностей рабовладельческой формации в целом. Однако для решения вопроса о рабовладении в римской Галлии мы располагаем очень скудными данными, преимущественно археологическими и эпиграфическими. Поэтому автор настоящей статьи не претендует на более или менее всестороннее освещение основных вопросов, связанных с проблемой рабовладения в Галлии, ограничиваясь лишь попыткой собрать и обобщить эпиграфические данные о рабовладении в римской Галлии.

В момент римского завоевания Галлия не представляла собой политического целого и распадалась на множество враждующих между собой племен, которые в большинстве своем жили еще общинно-родовым строем или находились на стадии разложения общинно-родовых отношений и образования государства. Юлий Цезарь в «Записках о галльской войне», рисуя картину социальных отношений среди галлов накануне римского завоевания, проводит резкую черту между родовой знатью и простым народом. Масса рядовых общинников, которых Цезарь называет *plebs* (I, 4, 17; V, 3; VI, 13; VII, 42 и т. д.)³, находилась в полной зависимости от родовой аристо-

¹ Эта мера вовсе не столь утопична, как кажется с первого взгляда. В древности было в обычае то, что метрополия и колония предоставляют друг другу взаимно право гражданства (Фера и Кирена, Милет и Ольвия). Поскольку афиняне сами пустили в оборот фикцию, будто члены Афинского союза — выведенные из Афин колонии (стих 582: τῆς γῆς τῆς δ' ἐστὶν ἄποικοι), такая мера соответствовала бы правосознанию того времени, вопреки мнению Вилаговича в его издании «*Aristophanes Lysistrata*», В., 1927, стр. 52.

² IG, I², 126; II², 1; T o d, Greek historical inscriptions, № 96.

³ Все цифровые сноски без указания произведения Цезаря относятся к «Запискам о галльской войне».